

МЕХАНИЗМЫ, КРИТЕРИИ И ПРИНЦИПЫ ЭТНОЭКОЛОГИЧЕСКОЙ И ЭТНОСОЦИАЛЬНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ (ИТОГИ РАБОТЫ СЕКЦИИ В РАМКАХ XI КОНГРЕССА АНТРОПОЛОГОВ И ЭТНОЛОГОВ РОССИИ, г. ЕКАТЕРИНБУРГ, 2–5 июля 2015 г.)

Е. А. Ерохина

Публикация подготовлена при поддержке РГНФ: грант 13-03-00417 «Этносоциальные процессы и этнонациональная политика в регионах Сибири», грант 13-03-00351 «Принимающее общество и иноэтничные мигранты — стратеги и практики взаимодействия».

5 июля 2015 г. завершился свою работу XI Конгресс антропологов и этнологов России «Контакты и взаимодействие культур». Конгресс был организован Ассоциацией антропологов и этнологов России, Российской академией наук (Институт этнологии и антропологии им. Н.Н.Миклухо-Маклая РАН, Институт истории и археологии УрО РАН), Уральским фе-

деральным университетом им. первого Президента России Б. Н. Ельцина при поддержке Министерства культуры РФ, Федерального агентства по делам национальностей, Правительства Свердловской области, Российского гуманитарного научного фонда.

Конгресс проходил в рамках Федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Рос-

---

Ерохина Елена Анатольевна - кандидат философских наук, старший научный сотрудник сектора этносоциальных исследований Института философии и права Сибирского отделения РАН, г. Новосибирск.

сии». Данное мероприятие стало опытной площадкой, на которой ведущие эксперты со всего мира представили положительные методики и методы гармонизации межэтнических отношений в многонациональных обществах.

В рамках Конгресса работала секция 41 «Механизмы, критерии и принципы этноэкологической и этносоциальной экспертизы». Ее руководители — канд. исторических наук Анатолий Николаевич Ямсков (Институт этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая, Москва) и канд. философских наук Елена Анатольевна Ерохина (Институт философии и права СО РАН, Новосибирск) — вынесли на обсуждение проблемы взаимодействия научного сообщества, власти и общества в вопросах, связанных с принятием управленческих решений и осуществлением экономических проектов, направленных на изменение условий жизни этнических, локальных и региональных сообществ.

Оценка рисков последствий внедрения таких перспективных программ должна включать в себя общественную экспертизу, важным звеном которой является публичная дискуссия. Направления областей этноэкологической и этносоциологической экспертизы задаются высокой значимостью таких сфер общественной жизни как, например, миграционная, культурная и социальная политика, политика в сфере поддержки муниципальных и региональных моделей образования, гражданской инициативы в области национальной политики.

В ходе подготовки Конгресса на участие в работе секции поступило 28 заявок из 12 научных центров: Новосибирска, Москвы, Кемерово, Якутска, Санкт-Петербурга, Казани, Саранска, Абакана, Элисты, Тюмени, Томска и Тель-Авива (Израиль). Секция работала 4 июля 2015 г. в течение всего дня. Было заслушано 11 докладов. Заседание завершилось дискуссией, в которой выступили руководители и семь известных ученых, резюмировавших итоги ее работы. На заседании всего присутствовало 30 чел.

В рамках секции обсуждались следующие вопросы развития данной формы публичного контроля в России:

- формирование новых принципов взаимодействия экспертов и общественных субъектов как потенциальных заказчиков экспертного знания в сфере культурной политики, миграции, межэтнических отношений;
- выявление наиболее актуальных задач этнологической и этносоциологической экспертизы в региональном аспекте;
- отдельные аспекты и результаты осуществленных участниками секции этнологических, этносоциологических и религиоведческих экспертиз.

Тезисы всех докладов, представленных на секцию 41 «Механизмы, критерии и принципы этноэкологической и этносоциальной экспертизы», были опубликованы в сборнике материалов Конгресса. В данной статье вниманию предлагается содержание выступлений и итоговой дискуссии участников.

В докладе *Е. А. Ерохиной (г. Новосибирск) «Знание, власть и общественный запрос на этноэкспертизу: задачи, критерии и принципы взаимодействия субъектов»* отмечалась необходимость такого важного элемента экспертизы как общественные слушания с участием представителей местных сообществ. В этой связи докладчиком была поставлена проблема согласования механизмов и критериев экспертизы, рефлексивной коммуникации по поводу ее принципов: упреждающего уважения, социальной ответственности, компетентности, справедливости, моральной обоснованности, равенства субъектов, соблюдения прав и интересов всех сторон, принятия ответственности.

По мнению автора доклада, степень конфликтности и острота дискуссий определяется в значительной мере включенностью//исключенностью коренных малочисленных народов Севера (КМНС) в число//из числа благополучателей внедряемого проекта или управленческого решения. Тезис об обусловленности критериев экспертизы глубиной участия и степенью рефлексивности ее субъектов обоснован на примере результатов социологического исследований 2014 г., осуществленного в Ханты-Мансийском автономном округе (ХМАО) и Республике Алтай (РА).

В докладе были представлены результаты этносоциологического исследования, посвященного проблеме межэтнических отношений в регионах Сибири: оценка социального самочувствия, удовлетворенности настоящим и ожидания от будущего представителей коренных малочисленных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа (Югры) и Республики Алтай.

Данные социологических исследований, предпринятых автором, свидетельствуют об ориентации представителей местных сообществ в указанных регионах на стремление «жить сегодняшним днем». Подтверждением этого тезиса является эмпирически зафиксированное на представительном массиве социологических данных расхождение двух показателей социального благополучия КМНС: состояния удовлетворенности своим настоящим положением и уверенности в завтрашнем дне.

В ответе на вопрос «Довольны ли Вы сейчас в целом своей жизнью?»

более половины респондентов из числа представителей КМНС в Югре дали положительный ответ (51,5%). Не совсем довольных было 39,7%, и совсем недовольных лишь 2,9%. На Алтае ситуация также позитивна: вполне удовлетворены своей жизнью в целом 65,1% опрошенных представителей КМНС (теленгитов), не совсем довольны — 25,6%, не довольны — 0% (!).

В то же время большинство хантов и манси солидарны оценке своего будущего: 61,2% из них считают, что их будущее находится под угрозой, и лишь 17,9% считают, что их будущему ничего не угрожает.

Данные, полученные в Республике Алтай, показывают, что мнения опрошенных представителей коренных малочисленных народов разделились, не выявив явной позитивной или негативной оценки перспектив развития. Настораживает значительное число — треть опрошенных — затруднившихся предположить, что ждет их в будущем. В то же время больше половины русских и казахских респондентов считают, что будущему коренных малочисленных народов в РА не угрожает ничего: здесь данные подтверждают феномен, зафиксированный в ХМАО (представители некоренных народов обоих регионов не видят опасности для будущего КМНС). Интересно, что с ними не согласна половина опрошенных алтайцев, которым, как представляется, ближе и понятнее стоящие перед КМНС проблемы: 51% из них считает, что будущее КМНС находится под угрозой.

В данных обстоятельствах возрастает значение критериев экспертизы. Дилеммы, которые встает перед субъектами общественной экспертизы, заключаются в следующем: воспользоваться ли компенсацией от причиняемого ущерба «здесь и сейчас» или отказаться от краткосрочной выгоды в пользу сохранения «нетронутой» среды для будущих поколений; какой ущерб считать приемлемым; каковы формы участия и контроля за выполнением достигнутых в результате общественного обсуждения договоренностей? Вовлечение в обсуждение этих и других вопросов, от решения которых зависит социальное благополучие локальных и региональных межэтнических сообществ, повышает степень субъектности их представителей и ответственности за свой выбор.

В выступлении *Т.А. Сидоровой (г. Новосибирск) «Ценностный подход в гуманитарной и социальной экспертизе: методологический аспект»* выявлялись специфические особенности гуманитарной и социальной экспертизы (Сидорова, 2015). Социальная и гуманитарная экспертиза, получившая широкое распространение в последнее время — продукт, с одной стороны, усиления рефлексивных процессов, с другой — сим-

птом появления институциональных структур, в которых функционирует авангард креативного класса — экспертное сообщество. Очевидно, что рефлексивное общество закономерно получает соответствующую форму самовыражения и становится креативным обществом. Креаторы — это, в том числе, носители специального научного знания — эксперты, которые не только дают оценку социальным и антропологическим явлениям, но и способствуют их организации через нормативное регулирование.

Примером социогуманитарной экспертизы является этическая экспертиза исследований, которые появились на свет в связи с развитием биоэтики. Когда в 1962 г. в больнице города Сиэтл (штат Вашингтон, США) появился первый аппарат «искусственная почка», врачи оказались перед сложнейшей проблемой: как установить очередность в подключении к аппарату, предоставляя лечение и спасая от верной смерти одних пациентов, страдающих от почечной недостаточности, но, тем самым, обрекая на смерть других — столь же нуждающихся. Тогда медицинские профессионалы решили, что они не могут взять на себя ответственность за установление очередности доступа к аппарату, который спасет одних, а других, не получившим доступа к нему, обречет на смерть. Для установления справедливой очередности было предложено создать комитет из авторитетных граждан, названный журналисткой Шаной Александер «божественным комитетом», который решал, кому предоставить возможность спасения. Этот совет стал первым в истории этическим комитетом.

Создатели первого этического комитета совершили фундаментальное социальное «открытие». Традиционно врачи решали вопросы жизни и смерти, руководствуясь профессиональными нормами, и считали, что их знаний для этого достаточно. Случай в Сиэтле показал, что распределение дефицитных медицинских ресурсов — это не только медицинская, но и моральная проблема, в данном случае — проблема справедливости. Для ее решения недостаточно профессиональных знаний и опыта. Комитет включал группу граждан, среди которых было лишь несколько врачей. Цель комитета заключалась в выработке конкретных правил отбора пациентов для гемодиализа. Был создан прецедент в медицинской науке, когда профессионалы признали ограниченность собственных возможностей в различении добра и зла. Они призвали на помощь священников, юристов, философов и представителей общественности.

Однако тут же выяснилось, что в современном обществе нет общепризнанных «экспертов» по разрешению моральных проблем. Люди руководствуются разными системам морали. Поэтому вызвать для кон-

сультации какого-то наделенного особым авторитетом эксперта просто невозможно. Наряду со специалистами проблему должны обсуждать выразители жизненных (ценностных) позиций. Ими могут выступать представители местных сообществ, представители религий.

Медицинские ситуации зачастую требуют принятия решения незамедлительно или, по крайней мере, их нельзя отложить так, чтобы их могла разрешить логика жизни. Поэтому в биоэтике наметился регулятивный крен, и как следствие, нормативное закрепление решений. Это неизбежно привело к профессионализации деятельности этических комитетов, что проявилось в общей тенденции эволюции их состава, выразившейся в замещении профанов экспертами.

Современная тенденция к профессионализации экспертизы, как было показано на примере этической экспертизы в биомедицине, приводит к замыканию ее на нормотворческой функции. Эксперты в качестве социального блага принимают установленную норму закона, априори полагая, что право закрепляет базовые ценности в обществе. Однако ситуации конфликтов содержат в своем основании конфликт ценностей, и нормативная оценка ситуации будет схематичной и поверхностной, поскольку совершается в пространстве несовпадения ценностного и правового.

Доклад А. Г. Новожилова (г. Санкт-Петербург) «Специфика этноэкологической экспертизы в индустриально-развитом регионе» был посвящен специфике этноэкологической экспертизы в индустриально-развитых регионах, принципы которой определяются трансформацией территорий традиционного природопользования (ТТП) в ходе промышленного развития (Новожилов, 2015). На примере западной части Ленинградской области (строительство нового порта в Усть-Луге), являющейся зоной традиционного проживания води и ижоры, этнокультурных групп включенных в число коренных малочисленных народов, докладчик показал, что объектом экспертизы в современных условиях являются не только и не столько их ТТП, сколько исторически сложившиеся аграрно-индустриальные системы в низовьях Луги и на Кургальском полуострове, в которые, наряду с пришлым, преимущественно русским населением, вплетены оставшиеся в местах традиционного проживания представители ижоры и води.

Как отметил докладчик, процесс капитализации указанного региона был запущен еще в XIX в. Его последствия проявились в XX в., когда стала сокращаться сфера традиционного природопользования. Это было обусловлено промышленным освоением среды обитания води, для которой

охота являлась традиционным промыслом, и ижоры, ориентированной на рыболовство. К 1990-е гг. не осталось промысловых угодий, был ликвидирован последний рыболовецкий колхоз «Балтика». Таким образом, процесс ликвидации системы традиционного природопользования был завершен.

В 2000-х гг., после принятия ряда федеральных законов, направленных на поддержку конституционных прав коренных малочисленных народов и народов, ведущих традиционный образ жизни, появился общественный запрос на проведение этноэкспертизы среди населения данного региона, представителей данных народов и лиц с двойной идентичностью — выходцев из семей и потомков представителей ижоры и води. Перед экспертным сообществом, общественностью и органами власти остро встал вопрос — что охранять, если сохранились лишь отдельные элементы традиционной системы природопользования, но не сохранилась сама модель хозяйственной деятельности?

Данная коллизия получила развитие в конфликте вокруг строительства Усть-Лужского порта, в который оказались вовлеченными, с одной стороны, потенциальные инвесторы, с другой стороны — общественность в лице представителей народов воды и ижора. Докладчик обратил внимание на следующее обстоятельство: наиболее активно добиваются сохранения традиционного природопользования горожане, которые выступают против строительства нового порта.

Данное обстоятельство требует осмысления, ибо экспертное сообщество столкнулось с теоретической и практической проблемой. Практическая проблема заключается в следующем: следует ли относить к представителям коренных малочисленных народов, ведущих традиционный образ жизни, горожан, связанных своим происхождением, но не образом жизни, с данной категорией граждан, имеющих особые права? Методологическую проблему можно сформулировать следующим образом: какие виды хозяйственной деятельности, в том числе основанные на самозанятости, следует относить к традиционному природопользованию в индустриально-развитом регионе, а какие нет? Эти и другие проблемы, поднятые докладчиком, побуждают задуматься о том, что и как необходимо охранять, а что невозможно и ненужно сохранять.

Доклад *Н. А. Дубовой (г. Москва)*, подготовленный в соавторстве с *Е. Д. Кобылянским (г. Тель-Авив, Израиль)*, «К вопросу о биологических критериях успешности адаптации этноса», был посвящен применению медико-биологических критериев для оценки успешности адаптации этнической группы к условиям среды. В своем выступлении доклад-

чица, опираясь на исследования российского антрополога, академика РАН Т.И.Алексеевой, постулировала тезис о том, что с биологической точки зрения этнос обладает следующими признаками популяции: 1) ареал обитания (территория этногенеза); 2) круг брачных связей (эндогамия); 3) межпоколенная наследственность. Теория адаптивных типов Т.И.Алексеевой позволила авторам доклада проинтерпретировать результаты исследования различий головного указателя (ГУ) трех поколений 50 еврейских семей Израиля, осуществленного Е. Кобылянским и Б.Аренсбургом.

ГУ, характеризующий рост головы в продольном и поперечном направлениях и скоррелированный с другими размерами головы и лица, считается стабильным и часто используется в межгрупповых сопоставлениях. Тем не менее, значительные различия были обнаружены между ГУ братьев и сестер, родившихся в Израиле и вне его. Разница между не родственниками, родившимися в Израиле, была ниже. В ходе исследований не было отмечено ни одного случая, когда ГУ родившегося в Израиле превысил бы большее из двух родительских индексов значение. Эта закономерность прослежена только в семьях, чьи родители родились в Европе, а дети в Израиле. В случае, когда родители были родом с Ближнего Востока или из Северной Африки никаких существенных различий по ГУ между родителями и детьми, родившимися в Израиле, не было (Кобылянский, Дубова, 2015).

Авторы доклада констатируют: если субпопуляции одного народа живут на протяжении многих поколений в различных условиях среды, их антропология в результате морфо-физиологических организменных реакций претерпевает изменения. При этом норма реакции организма проявляется по-разному в разных условиях среды. Выводы, полученные физическими антропологами, ориентируют на необходимость учитывать факторы этнической экологии при проведении этнологической экспертизы.

Доклад *О. А. Богатовой (г. Саранск) «Социальные механизмы оптимизации сбора этностатистических данных в контексте этнологического мониторинга»* был посвящен проблеме методологии сбора этнодемографических данных и их использования в принятии политических решений. В своем выступлении докладчица обратила внимание на то обстоятельство, что перепись населения остается самым важным статистическим инструментом. Однако для представителей органов власти перепись является еще и политическим инструментом. Данное обстоятельство с неизбежностью политизирует процесс сбора статистических данных,

особенно в национальных республиках.

Сопоставительный анализ данных Всероссийской переписи 2010 г. и репрезентативных социологических опросов позволил зафиксировать следующие тенденции динамики численности этнических групп в национальных республиках Поволжья (Мордовии, Татарстане, Башкортостане): тенденции к снижению доли некоторых этнических групп в составе населения республик, ассимиляция и смена этнической идентичности, снижение престижности этнического статуса титульных народов. Данные тенденции вызывают обеспокоенность региональных элит, которая проявляется во внедрении социальных технологий, влияющих на учет этнодемографических показателей. На результаты статистических данных нередко влияют социальные факторы, которые докладчица условно разделила на «жесткие» и «мягкие» (Богатова, 2015).

К «мягким» технологиям докладчица отнесла медийное позиционирование имиджа региона, пропаганду регионального патриотизма в местных СМИ, редукцию этнического состава населения республики к титульной нации, подчеркивание государствообразующего статуса титульного этноса. Социальным эффектом использования таких технологий является идентификация с соответствующей республикой и региональная, по сути, компромиссная, идентичность.

Однако, наряду с «мягкими», нередко в ход идут и «жесткие» технологии: прямое вмешательство властей в процедуру переписи, административное давление на респондентов, манипуляция массовым сознанием, которая, в частности, заключалась в призыве лиц с двойной, и даже иной этнической идентичностью записываться представителями титульной нации во имя сохранения республиканского статуса соответствующего субъекта РФ.

Автор доклада предлагает следующие меры оптимизации сбора статистических данных учета населения, цель которого — достижение максимально точного соответствия статистических данных реальной этнической самоидентификации населения: во-первых, ограничение на публикацию данных, касающихся национальности руководителей, работников и клиентов государственных организаций; во-вторых, повышение требований к переписантам, в частности, обязательный личный опрос и личная фиксация своей национальности переписываемым лицом.

В докладе *Т. Г. Недзелюк (г. Новосибирск) «Религиоведческая экспертиза: проблемы и перспективы»*, подготовленном совместно с *В.Г.Васильевым*, поднимались актуальные проблемы современной рели-

гиоведческой экспертизы, ее нормативно-правовых и социокультурных оснований. В выступлении был определен круг проблем, связанных с деятельностью экспертных религиозно-ведческих советов (Васильев, Недзельюк, 2015). Так, например, в докладе обращалось внимание на проблему формирования экспертного совета, где наряду с чиновниками, учеными и юристами присутствуют представители религиозных общественных организаций, но отсутствуют светские религиоведы. Такая недооценка светского религиоведения чревата возможностью перевода содержания экспертизы в эмоциональную плоскость. Один из выводов выступления содержал положение о том, что содержание экспертного заключения должно быть мировоззренчески нейтральным.

Другим важным аспектом проблемы был признан статус религиоведческой экспертизы. Какой характер носят ее выводы: обязательный или рекомендательный? Если рекомендательный, то для чего она нужна? Кроме того, экспертные советы, являясь консультативными органами, не несут никакой ответственности за допущенные в ходе экспертизы ошибки.

Отдельный круг проблем связан с методологией проведения религиоведческой экспертизы, компетентностью экспертов, потенциальной возможностью стать инструментом давления отдельных субъектов власти на религиозные организации. В соответствии с Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997 г., действующая редакция от 22.10.2014 г.), Приказом Министерства Юстиции РФ от 18 февраля 2009 г., в круг задач экспертизы входят определение религиозного характера организации на основании учредительных документов, оценка достоверности сведений, содержащихся в представленных религиозной организацией документах, проверка заявленных при регистрации форм и методов деятельности религиозной организации ее фактическим формам и методам. Тем не менее, у представителей религиозных организаций возникают субъективные опасения, не станут ли экспертные религиоведческие советы цензорами религиозной литературы?

В выступлении *И. А. Грошевой (г. Тюмень) «Общественная экспертиза в этноконфессиональной сфере»* была поставлена проблема информирования общественности о процедуре и результатах религиоведческих экспертиз (Грошева, 2015). Наиболее актуальной проблемой является целеполагание субъектов экспертизы: в какой мере власть заинтересована в том, чтобы узнать реальное положение дел; насколько эксперты способны работать в качестве представителей независимой научной общественности; насколько компетентны те люди, которые берут на себя роль экспертов?

Докладчица констатировала, что в настоящее время вокруг указанной проблемы больше вопросов, нежели ответов. И многие из них связаны с тем обстоятельством, что управленческие решения принимаются без участия общественности, без учета жизненных приоритетов граждан и задач социальной политики. Так, например, при подготовке закона об ущемлении прав верующих не была проведена должным образом общественная дискуссия. В качестве особой проблема также были выделены источники финансирования экспертной деятельности.

Таким образом, в реальности осуществить общественную экспертизу представляется весьма затруднительно. На практике, по мнению автора доклада, складывается парадоксальная ситуация: новые, демократические по форме методы управления оказываются менее эффективными, чем административные. Однако чрезмерное увлечение администрированием выталкивает из публичного пространства многие религиозные организации, которые вынуждены уходить из институциональной в сетевую сферу деятельности.

В заключении выступления было внесено предложение о создании банка специальных данных в отдельных областях экспертизы. Кроме того, важную роль должно играть повышение квалификации специалистов, в том числе сотрудников правоохранительных органов и судей.

Доклад *Л. Р. Низамовой (г. Казань) «Реализация мониторинга этноконфессиональных отношений в России: принципы, дилеммы и практики»* касался методологии осуществления мониторинга в сфере этноконфессиональных отношений и предупреждения конфликтов (Низамова, 2015). Ею отмечалось, что консенсус по поводу его проведения отсутствует. Первая из выделенных докладчицей дилемм заключалась в выборе, следует ли использовать единый инструментарий независимо от региона или он должен учитывать специфические особенности региона. Другая, не менее значимая дилемма, имеет содержательное значение и относится к его характеру: мониторинг должен быть научным или научно-практическим? Наконец, мнения о его периодичности также разнятся от ежеквартального до осуществляемого один раз в несколько лет.

Однако самую острую дискуссию вызывает вопрос о показателях мониторинга. Что должно оцениваться: самочувствие жителей территории или самочувствие этнических групп? Опыт реализации этномониторинга в Республике Татарстан в рамках республиканской программы, рассчитанной на 2014–2020 гг., позволил сформулировать некоторые приоритеты в этих областях. Во-первых, удельный вес научных исследований

должен быть высок. Так, в Татарстане 4 из 6 показателей должны быть получены в результате социологических исследований. Во-вторых, на уровне конкретной территории базовые индикаторы социального благополучия населения обязательно должны быть дополнены индикаторами, характеризующими состояние целевых групп.

Одним из острых вопросов осуществления мониторинга является его стоимость. Это побуждает власть в условиях сокращения бюджетного финансирования искать наиболее дешевые способы проведения опросов. Кажущаяся дешевизна использования пространства Интернет и онлайн-медиа создает иллюзию доступности их применения. Затраты на проверку достоверности полученных таким образом данных, обеспечение конфиденциальности, проблемы с репрезентативностью не позволяют оценивать использование медийных инструментов как дешевых в сравнении с традиционными социологическими исследованиями.

В качестве значимого содержательного момента докладчица отметила, что не все факты и обстоятельства могут быть схвачены федеральным и даже региональным мониторингом. Поскольку значимые события происходят на локальном уровне, есть смысл продолжать работу над совершенствованием инструментария, который мог бы быстро улавливать и просеивать через информационный фильтр стихийно возникающие в разных местах происшествия. Академичность не терпит поспешности. Однако чиновникам проще отобразить формальные критерии и отчитаться перед вышестоящими органами о том, что работа уже идет.

В этой связи возникает проблема согласования действий ученых и власти. Ученые больше, чем власти, заинтересованы в исследовании реального положения дел, особенно если это касается меньшинств. Чиновники же ожидают прикладной отдачи от мониторинга. Для этой группы экспертов мониторинг — результат внешнего контроля и инструментальное средство переложить ответственность с федерального уровня на региональный, а с регионального — на уровень местного самоуправления. В этой связи возникает опасность подчинения усилий по сбору научных данных логике отчетности.

Специфический контекст, в котором разворачивается работа по реализации программы мониторинга, также создает определенный фон: институты гражданского общества слабы, научное сообщество несамостоятельно, средства выделяются исключительно из региональных бюджетов. Таким образом, у разных субъектов экспертизы возникает искуше-

ние пойти по сугубо формальному пути. Нередко представители власти (да и общества тоже) используют такую формулу: да, проблема есть, но она где-то там, «не у нас» (на федеральном уровне, в другом субъекте федерации, в другом районе, городе, селе, «на другой улице», а «здесь все благополучно». Поэтому, наряду с исследованиями, должна продолжаться работа по просвещению общества.

В. В. Поддубиков (г. Кемерово) в своем докладе «Земельные конфликты на территориях традиционного природопользования как объект этнологической экспертизы (на примере коренных малочисленных этносов Южной Сибири)» обобщил результаты экспертных исследований причин и механизмов развития земельных конфликтов в местах проживания и хозяйственной деятельности шорцев, телеутов, кумандинцев, челканцев, теленгитов, предпринятых в 2004–2014 гг. Как отметил докладчик, в течение 10 лет развитие конфликтного дискурса претерпело ряд существенных изменений. Во-первых, выросли мобилизационные возможности инициативных групп коренного населения, используемые для достижения необходимых эффектов. Во-вторых, местное население стало юридически грамотным в отстаивании своих прав. В-третьих, изменилась мотивация участников конфликтного действия: если на первых порах (в середине 2000-х гг.) в их действиях преобладала социально-экономическая составляющая, то в настоящее время усиливается собственно этнический компонент.

На основе обобщения опыта исследования в Кемеровской области (пос. Чувашка и Казас, Шорский национальный парк) докладчиком была предложена типология субъектов конфликта (Поддубиков, 2015). Со стороны общественности сторонами конфликта выступают, как правило, местное население, общины коренных малочисленных народов, со стороны официальных структур и хозяйствующих субъектов выделяются следующие категории: добывающие компании, особо охраняемые природные территории, лесничества, предприятия лесозаготовительной промышленности.

В выступлении подчеркивалось, что земельные конфликты являются, в общем традиционной проблемой, однако, как показывает жизнь, в их развитии появляются новые социокультурные феномены. Шок, который испытывала власть на рубеже 1990-х и 2000-х гг., сменился убежденностью в необходимости контролировать их проявления и не допускать усугубления. С другой стороны, общественность стала более активной и подкованной. С третьей стороны, производственные процессы также оста-

навливать нельзя.

Данная коллизия наиболее ярко проявляется в нежелании местных жителей покидать родные места, сколь бы не велик был размер компенсации от хозяйствующего субъекта, который приобрел права на разработку данной территории. Даже если большинство жителей поселка меняет место жительства, всегда находится некоторое количество семей, которые остаются на прежнем месте и, что примечательно, пользуется моральной и иной поддержкой со стороны тех, кто уехал.

Выполненные исследования показали, что основной причиной конфликтогенеза в местах традиционного природопользования является юридическая неопределенность статуса земель традиционно-хозяйственного назначения, которые коренным населением воспринимаются как этническая территория.

Доклад *А. Н. Ямскова (г. Москва)*, подготовленный в соавторстве с *О. И. Брусиной (г. Москва)*, «Социально-демографические индикаторы благополучия этнокультурных групп сельского населения» был посвящен проблеме индикации перспектив сохранения либо ассимиляции малых этнокультурных групп в условиях их сосуществования с доминирующим обществом. В выступлении были предложены конкретные индикаторы, выявленные в ходе исследования аульных сообществ ставропольских туркмен, предпринятого *О. И. Брусиной* в 2014 г. с использованием методики *А. Н. Ямскова*. К таким индикаторам, рассчитываемым на основе похозяйственных книг, относятся доля моноэтничных полных домохозяйств (включают обоих супругов в возрасте до 59 лет и хотя бы одного ребенка или подростка до 17 лет включительно); доля моноэтничных домохозяйств пенсионеров (с одиноким человеком или обоими супругами в возрасте от 60 лет и старше); индекс постарения населения (отношение процентной доли в селе последних к первым) (*Брусина, Ямсков, 2015*).

Обращалось внимание на необходимость учета полиэтничных домохозяйств, так как в процессе социализации на младшее поколение оказывают существенное воздействие бабушки и дедушки, а не только родители. Констатировалось, что совокупность указанных индикаторов способна служить инструментом оценки перспектив дальнейшего существования малых этнокультурных групп. Если перспективы демографического и этнокультурного производства выглядят надежными, то можно сделать вывод о социальном благополучии данной группы.

Выступление *Л. Б. Сандаковой (Новосибирск)* «Методологические

проблемы этноэкологической и этносоциальной экспертизы» было посвящено анализу теоретико-методологических и практических принципов экспертной деятельности (Сандакова, 2015). Существующие нормативно-правовые и социокультурные основания в качестве главной ценности объявляют сохранение этнического многообразия и защиту среды. Однако, как показывает опыт исследований, сохранение не означает консервацию. В любом случае, нежизнеспособные элементы культуры разрушаются. В этой связи встает вопрос: где граница между сохранением, которое предполагает перспективу развития, и консервацией; кто и каким образом должен определять, что является полезным, а что бесполезным?

Другим существенным моментом является апелляция к нравственной составляющей экспертизы. Экспертиза может быть средством манипуляции, а технократическая аргументация может служить средством вытеснения «профанного» дискурса местных сообществ на периферию общественных слушаний для того, чтобы избежать непредсказуемости их результата. Стремление достичь комфортного состояния субъектами, контролирующими экспертный дискурс, выхолащивает экспертную деятельность, лишает ее самостоятельного смысла.

Докладчица констатировала, что объект современной экспертизы является, как правило, динамично развивающимся. В силу этого аргумент объективности экспертного знания не выдерживает критики. Поскольку предмет экспертизы подвергается научной оценке, которая, по определению, может быть только комплексной, многоаспектной, то и сама экспертиза должна иметь полипарадигмальные основания.

Наконец, весьма существенным является герменевтический аспект данной проблемы. Речь идет о методологической и аксиологической ангажированности субъектов, интерпретирующих данные, в том числе и статистические.

В конце заседания выступили руководители и 7 известных ученых, резюмировавших итоги работы секции. Круг дискуссионных проблем, поднятых в работе секции, включил в себя следующие вопросы. Во-первых, способность экспертного сообщества выступать как независимый от власти субъект. Данную проблему его представители должны поставить перед собой, если хотят сохранить авторитет науки в глазах общества. Также весьма значима роль ценностной и методологической рефлексии в выработке принципов экспертной деятельности, процедур операционализации и индикации объектов экспертизы и факторов, сопутствующих их развитию. Во-вторых, наличие воли у власти и общественности принимать на

себя ответственность за исполнение принятых в результате общественного обсуждения решений. Трудность состоит в том, что результаты решения не будут приняты всеми субъектами, а исполнение рекомендаций вообще выглядит проблематичным. В-третьих, ситуация, при которой экспертократии принадлежит монополия на истинность, сохраняется. Данное обстоятельство способствует переводу антропологического дискурса вокруг жизненно важных проблем из плоскости ценностного выбора, который вообще трудно поддается операционализации, в плоскость псевдонормативности. Ситуация усугубляется имеющим место в юридической практике разрывом между нормативно-правовой базой и практиками правоприменения: если первое более или менее отвечает современным требованиям, то второе нуждается в оптимизации (Е. А. Ерохина).

Были обобщены предложения, поступившие от участников секции. Отмечалась необходимость формирования банка данных потенциальных экспертов по определенным направлениям экспертной деятельности. Обращалось внимание на то обстоятельство, что отдельного обсуждения заслуживает проблема представительства интересов социальной, этнической, конфессиональной или иной, в том числе экспертной группы, и права претендовать на то, чтобы «выступать ее голосом». Претенденты на эту роль, особенно в том случае, когда это представители академического сообщества, не должны забывать о самоцензуре. В отношении вопросов религиозно-экспертной экспертизы было высказано суждение о необходимости разумного баланса между правом на свободу высказывания и правом на защиту чувств верующих. Подчеркивалось, что одним из самых сложных аспектов, связанных с оценкой достоверности экспертных заключений, является «страсть» властей улучшить реальное положение в отчетности (А. Н. Ямсков).

Обращалось внимание на высокий уровень докладов и выступлений, что позволило выявить наиболее актуальные проблемы данного направления научной деятельности (Н. А. Дубова).

Отмечалось, что проблема финансирования экспертной деятельности остается одной из самых сложноразрешимых. Тем не менее, в выступлениях сквозил умеренный оптимизм в отношении возможностей научного сообщества убедить власть в необходимости продолжать работу в этом направлении (А. Г. Новожилов).

Подчеркивалось, что экспертиза должна быть, прежде всего, профессиональной. Что касается ее статуса, общественного или государственного, то для исследователя этот вопрос является второстепенным. Важно,

чтобы выводы экспертных заключений были ответственными и добросовестными, и эти требования научное сообщество должно адресовать в первую очередь к самому себе (Н. И. Новикова).

Была выявлена необходимость повышения правовой, религиоведческой и социологической грамотности чиновников. С этой целью весьма важной представляется работа над повышением профстандартов и квалификационных требований, предъявляемым госслужащим, в сферу деятельности которых входят проблемы обеспечения гуманитарного суверенитета страны, защиты прав человека на свободу совести, на удовлетворение этнокультурных потребностей, соблюдение гражданских свобод в сфере использования родного языка. Стремление отчитаться перед вышестоящим инстанциями в более выгодном свете приводит к искажению реальной ситуации. Данное обстоятельство чревато самыми разнообразными последствиями с точки зрения развития этносоциальной и этнополитической ситуации (О. А. Богатова).

Отмечалась необходимость скорейшего принятия конкретных мер, направленных на развитие законодательной базы и практик правоприменения, обеспечивающих права коренных малочисленных народов РФ. Одной из таких мер могло бы послужить утверждение законопроекта «Об оценке воздействия на исконную среду обитания, традиционный образ жизни и традиционное природопользование коренных малочисленных народов Российской Федерации» (Ю. Я. Якель).

Констатировалось, что в настоящее время развитие таких достаточно самостоятельных направлений экспертной деятельности как этнологическая экспертиза, этносоциологический (в том числе этноконфессиональный) мониторинг и религиоведческая экспертиза осуществляется приблизительно в одном магистральном направлении, имеет схожие черты и особенности. Это открывает перспективу формирования пространства общих понятий (терминов), принципов и методов экспертизы, что, безусловно, способно обогатить каждое из этих направлений (Д. А. Функ).

Не только госслужащие, но и широкая общественность нуждается в просвещении в сфере столь актуальных и щекотливых вопросов, как гармонизация этносоциальных и этноконфессиональных отношений. Тем не менее, наблюдается положительная тенденция процессуализации экспертной деятельности, когда подведение итогов исследования и публикация результатов становится отправной точкой общественной рефлексии, запускающей определенные этносоциальные и этнокультурные процес-

сы, которые, в свою очередь, становятся предметом следующей экспертизы (В. В. Поддубиков).

Участники Конгресса, принявшие участие в заседаниях секции 41, сочли возможным сформулировать следующие рекомендации:

- 1) создание банка данных экспертов в сфере этнологической и смежных с ней областей экспертизы;
- 2) публикации материалов проведенных экспертиз в сети Internet;
- 3) необходимость повышения этнологической, правовой, религиоведческой, социологической компетентности государственных служащих, работников системы среднего и высшего образования в рамках курсов переподготовки и повышения квалификации;
- 4) создание в рамках Ассоциации антропологов и этнологов России (ААЭР) постоянно действующей специализированной группы (комиссии) этнологической экспертизы и мониторинга.

Список литературы:

Богатова, О. А. (2015) Социальные механизмы оптимизации сбора этностатистических данных в контексте этнологического мониторинга // XI Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. М. ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С. 418–419.

Брусина, О. И., Ямсков, А. Н. (2015) Социально-демографические индикаторы благополучия этнокультурных групп сельского населения // XI Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. М. ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С. 419.

Васильев, В. Г., Недзелюк, Т. Г. Религиоведческая экспертиза: проблемы и перспективы // XI Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. М. ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С. 419.

Грошева, И. А. (2015) Общественная экспертиза в этноконфессиональной сфере // XI Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. М. ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С. 420.

Кобылянский, Е. Д., Дубова, Н. А. (2015) К вопросу о биологических критериях успешности адаптации этноса // XI Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. М. ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С. 421–422.

Низамова, Л. Р. (2015) Реализация мониторинга этноконфессиональных отношений в России: принципы, дилеммы и практики // XI Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. М. ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С. 423.

Новожилов, А. Г. (2015) Специфика этноэкологической экспертизы в

индустриально-развитом регионе // XI Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. М. ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С. 423.

Поддубиков, В. В. (2015) Земельные конфликты на территориях традиционного природопользования как объект этнологической экспертизы (на примере коренных малочисленных этносов Южной Сибири) // XI Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. М. ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С. 424–425.

Сандакова, Л. Б. (2015) Методологические проблемы этноэкологической и этносоциальной экспертизы // XI Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. М. ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С. 425.

Сидорова, Т. А. (2015) Ценностный подход в гуманитарной и социальной экспертизе: методологический аспект // XI Конгресс этнологов и антропологов России: сб. материалов. Екатеринбург, 2–5 июля 2015 г. / отв. ред.: В. А. Тишков, А. В. Головнев. М. ; Екатеринбург : ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН. С. 425–426.

Дата поступления: 14.08.2015 г.

**MECHANISMS, CRITERIA AND PRINCIPLES OF ETHNO-SOCIOLOGICAL
AND ETHNO-ECOLOGICAL EXPERTISE (THE RESULTS OF WORK OF THE
SECTION IN THE SCOPE OF THE XI CONGRESS OF ANTHROPOLOGISTS
AND ETHNOLOGISTS, EKATERINBURG, RUSSIA, JULY 2-5, 2015)**

E. A. Erokhina